

АЛЕУТЫ И АЛЕУТСКИЙ ЯЗЫК

Культурные и языковые изменения за последние два с половиной века¹

До середины XVIII в., когда на Алеутских островах появились первые русские путешественники и промышленники, существовало восемь групп («племен») алеутов, живших не менее чем в 160 поселках. Алеуты занимали всю гряду Алеутских островов — от острова Атту на западе до полуострова Аляска на востоке (см. карту). В то время общая численность алеутов составляла, вероятно, не более 10 тыс. чел. За сорок лет, последовавших за обнаружением в 1741 г. экспедицией Витуса Беринга Алеутских островов, численность алеутов сократилась не менее чем в пять-шесть раз, примерно до полутора тысяч человек, а богатейшие природные ресурсы были в значительной степени разрушены.

После образования в 1799 г. Российско-американской компании (РАК) положение дел несколько улучшилось, однако и этот период также не способствовал восстановлению численности населения, в первую очередь из-за эпидемий различных завезенных в реги-

он заболеваний и высокой детской смертности. Кроме того, именно в это время стали заметны первые признаки того, что в современной лингвистике принято называть языковым сдвигом или, иными словами, исчезновением языка. Ослабление позиций алеутского языка объяснялось как самим фактом появления в регионе более сильного в социальном отношении русского языка, так и многочисленными переселениями носителей разных диалектов алеутов с острова на остров: такова была обычная практика РАК, преследовавшей прежде всего экономическую выгоду.

Последние сорок лет русского владения островами и Аляской (до продажи их Соединенным Штатам Америки в 1867 г.) в целом характеризуются более мягкой политикой в «колониях» на северо-востоке России (из всей территории к востоку от Урала только Аляска и Алеутские острова в российских официальных документах назывались «колониями»). Во многом это стало следствием усиления правительственного контроля над деятельностью РАК.

Отчасти улучшение обстановки можно поставить в заслугу Ивану Евсеевичу Вениаминову (1797—1879). Разумеется, целью этого православного священника, как и любого миссионера, была христианизация алеутов, т.е. глубокое воздействие на традиционную культуру (а значит, и на язык) исходя из принципов,

¹ Информацию о структурных и социолингвистических особенностях алеутского языка можно также найти в работах: [Головко 1996 а; Головко 1996 б; Головко, Вахтин, Асиновский 2009].

которые казались ему единственно верными. Известно, что такого рода воздействие, до неузнаваемости меняющее культурный облик «просвещаемого» народа, не всегда осуществляется самыми деликатными способами. Однако И.Е. Вениаминов в силу своих личных качеств был склонен придерживаться гуманных принципов, поэтому указанный период стал, по словам М. Краусса, «не только более благоприятным в истории языков и культур коренного населения Аляски, чем любой из предыдущих, но и более благоприятным, чем любой из последующих американских периодов» [Краусс 1981: 156].

Для более успешного распространения православия Вениаминов создал алеутскую письменность, в основу которой положил церковнославянский алфавит, дополнив его специальными надстрочными знаками. В сотрудничестве с алеутом Иваном Паньковым И.Е. Вениаминов в 1826 г. составил алеутский букварь, перевел на алеутский язык катехизис и ряд других нравоучительных книг. В период с 1834 по 1903 г. Русской православной церковью было издано еще несколько переводных книг: «Указание пути в царствие небесное», «Начатки христианского учения», «Евангелие от Матфея», «Евангелие от Луки», «Евангелие от Иоанна», сборники молитв и псалмов. Чрезвычайно ценно то, что некоторые переводы сделаны помощниками и учениками И.Е. Вениаминова, коренными жителями, священниками Лаврентием Саламатовым (Саломатовым), Яковом Нецветовым и Иннокентием Шаяшниковым. Все они происходили «из креолов»², поэтому одинаково хорошо владели и русским, и алеутским (для Л. Саламатова и Я. Нецветова родным был диалект о. Атка, для И. Шаяшникова — диалект о. Уналашка). Наибольшую ценность с точки зрения качества перевода представляет «Евангелие от Марка», переведенное Л. Саламатовым не позднее 1861 г. (перевод был опубликован только в 1959 г.) [Bergsland 1959].

Примечателен даже не столько сам факт издания книг на алеутском языке, сколько появление письменной традиции и широкое распространение грамотности, связанное прежде всего с деятельностью церковных школ. Это, в свою очередь, имело чрезвычайно важ-

ные последствия для алеутской культуры. Расцвет письменной традиции приходится на момент продажи Аляски и Алеутских островов США в 1867 г. Не будет преувеличением сказать, что в то время ни один из так называемых малочисленных коренных народов не мог сравниться с алеутами по уровню грамотности. С одной стороны, это можно связать с гуманной политикой в области просвещения и образования, при этом еще раз отметив это как личную заслугу И.Е. Вениаминова; с другой стороны, еще более важными, с нашей точки зрения, оказались другие факторы: тесная связь распространения грамотности с чрезвычайно удачно привившейся на алеутской почве новой религией (о параллелях между некоторыми чертами православия и традиционной алеутской культуры, а также о формах адаптации христианства у алеутов см.: [Black 1992]). Работая в начале XX в. на Алеутских островах, русский этнограф Владимир Ильич Иохельсон отмечал, что его информанты «довольно хорошо грамотны, т.е. пишут по-алеутски вениаминовской азбукой» [Иохельсон 1911: 100].

Несмотря на то что Аляска и Алеутские острова были проданы США в 1867 г., церковно-приходские школы, где обучали на алеутском и русском языках, а также преподавали эти языки как предметы, просуществовали до 1912 г., пока они не были закрыты новыми властями. Алеуты, к тому времени во многом перенявшие русские культурные традиции, упорно сопротивлялись американскому влиянию и отказывались учить английский язык, игнорируя посещение школ. Знание русского языка наряду с алеутским стало важной составной частью новой алеутской идентичности. Не в последнюю очередь это объясняется тем, что русский был языком принятого алеутами православия. Знание разговорного русского языка и умение писать на алеутском с использованием вениаминовской системы письма продержалось примерно до начала 60-х годов XX в.

Наряду с развитием алеутской письменности не прекращалось повсеместное и с каждым годом усиливавшееся влияние русского языка на алеутский. Во введении к фундаментальному алеутскому словарю [Bergsland 1994: xxxiii] даны следующие цифры: более 800 заимствований во всех диалектах на территории США (640 — в уналашкинском, 531 — в аткинском, 39 — в аттуанском). Однако и эти данные не окончательные: М. Крауссу (устное сообщение, 2007 г.) удалось записать в дополнение к 800 словам, выявленным К. Бергсландом, еще около 300 русских заимствований, значительная часть которых — «церковная» лексика.

В первый период американского правления для сохранения алеутского языка практически не было

² До сих пор не ясно, кто ввел этот термин в качестве официального (употреблялся в документах РАК) по отношению к части населения Русской Америки, см. об этом: [Black 1990; Vinkovetsky 2001]. Важно отметить, что креолы в Русской Америке были не просто населением, произошедшим от смешанных браков, но прежде всего особой социальной категорией (впрочем, это относится и к термину «алеут»). О понятиях «креол» и «алеут» применительно к Русской Америке, а также об особенностях социального устройства «колоний» подробно см.: [Black 2004: 209–222; Вахтин, Головкин, Швайтцер 2004: 109–115; Гринев 2000; Люрман 2001; Luehrmann 2008: 115–120].

серьезных препятствий, прежде всего потому, что Аляска и Алеутские острова не вызывали у американцев интереса и число приезжих было небольшим. Позднее активизация миссионерской деятельности протестантских миссионеров, которые были категорически против обучения на родном языке и употребления его в религиозных обрядах, подтолкнули языки коренного населения Аляски, в том числе алеутский, к исчезновению. Наряду с этим численность алеутов продолжала сокращаться, причины оставались те же — болезни и высокая детская смертность.

Принятый в 1967 г. федеральный закон о двуязычном обучении открыл возможность преподавать в американских школах на других языках, кроме английского, и это заметно улучшило положение дел. Центр изучения языков коренного населения Аляски, созданный по инициативе М. Краусса при Университете штата Аляска (г. Фэрбанкс), выпускает учебные пособия и другую литературу на алеутском языке. Составляются школьные программы, проводятся семинары по вопросам повышения грамотности, консультации с учителями. Создан обширный архив, фонды которого содержат практически все известные на сегодняшний день печатные и рукописные документы, имеющие какое-либо отношение к языкам коренного населения Аляски, включая алеутский.

По данным на конец XX в. [Bergsland 1989; 1998], в США было 510–525 носителей алеутского языка. Они распределялись по островам следующим образом: Атка — 80 чел., Умнак — 25, Уналашка — 10–15, Акутан — 10–15, Кинг-Коув (бывший Белковский — поселение на Аляске) — 10–15, острова Прибылова: Св. Павла — 250, Св. Георгия — 125.

Исследователи, собиравшие социолингвистические данные примерно в тот же период, дают несколько другие цифры владеющих языком: Атка — 44 (самый молодой носитель в возрасте 25 лет), Акутан — 4 (самый молодой — 70 лет), о. Св. Павла — 40 (самым молодым носителям не менее 50 лет), о. Св. Георгия — 15 (самые молодые носители старше 50 лет), Кинг-Коув — 10 (самые молодые носители старше 60 лет).

В таких разночтениях нет ничего удивительного: они возникают почти всегда, когда дело касается числа владеющих языком. Однако все данные не расходятся в одном: хотя говорящих на аткинском диалекте в абсолютном исчислении меньше, чем говорящих на уналашкинском, средний возраст носителей аткинского существенно ниже.

Следует отдельно отметить особую ситуацию с той языковой общностью, которая возникла на островах Прибылова. Уровень владения языком в этой группе

носителей восточного диалекта значительно выше, чем в других местах. Этот факт, а также некоторая территориальная обособленность «работают» на создание местными жителями своей собственной коллективной идентичности. В последнее время они все чаще настаивают на том, что их язык не похож на язык других носителей восточного диалекта. Такая позиция хорошо укладывается в процесс конструирования собственной идентичности, хотя, если подходить к вопросу языковых различий со строго лингвистических позиций, оснований для объявления языкового варианта алеутов островов Прибылова самостоятельным диалектом все-таки недостаточно.

Необходимо дать пояснения, касающиеся общего числа алеутов. По данным переписи 1990 г., численность алеутов в США — 23 797 чел., по данным переписи 2000 г. — чуть более 17 000 чел. Именно столько людей идентифицируют себя как алеуты. Эта внушительная цифра включает всех называющих себя алеутами — как из «идейных» (об особенностях самоидентификации см. подробнее ниже), так и из экономических соображений (чтобы использовать льготы, полагающиеся коренному населению).

Начало конструирования единой «алеутской этничности» (как и любой другой) связано с вмешательством государства. Разумеется, до появления на Аляске европейцев у предков нынешних алеутов не существовало никакого представления о себе как едином народе. Стремление государства к точным подсчетам вело к поискам оснований для такого подсчета. В качестве классифицирующего этнического признака в науке того времени использовался прежде всего язык. Поэтому «алеутами» были записаны все, кто говорил на диалектах этого языка (точнее, на том, что посчитали диалектом). Нечто подобное происходило в колониальный период в большинстве регионов мира. Однако в случае с алеутами сыграли роль и другие факторы. РАК ввела свою внутреннюю социальную классификацию: (русский) промышленник — креол — алеут. Она не столько отражала степень «чистоты — смешанности», сколько приписывала различные социальные статусы, закрепляла за «рабочими» РАК различные права и обязанности.

То, что введенная категоризация имела социально-экономическую, а не этническую основу, подтверждается случаями перевода из разряда «алеутов» в разряд «креолов», а из разряда «креолов» — в разряд «нормальных» российских подданных (такие факты «повышения по службе» приводятся в работе [Black 1980: xxiii]). Таким образом, «алеутами» в период существования РАК оказались записаны не только говорящие на соответствующих диалектах, но и разнообразные группы коренного

населения, попавшие в сферу юрисдикции РАК, например современные тихоокеанские эскимосы (алютиик), небольшая часть группы эскимосов центральный юпик, некоторые другие. Несмотря на то что современные научные классификации (в основе которых лежат прежде всего языковые данные) относят, например, коренных жителей острова Кадьяк к эскимосам, сами они сегодня настаивают на своей алеутской идентичности и используют при этом соответствующее самоназвание *Alutiiq* [Pullar 2010]; по-английски они называют себя *Aleut*, т.е. «алеутами». В США такой способ самоидентификации сегодня учитывается на административном уровне: упомянутые группы, несмотря на попытки возродить эскимосское название *Sugriac*, числятся алеутами.

Помимо США, алеуты живут и на территории Российской Федерации. Общая численность алеутов в России, по данным на начало XX в., 540 чел. Большинство российских алеутов — жители Камчатской области. Большую часть алеутов, около 300 чел., составляют жители Командорских островов, сосредоточенные в единственном ныне существующем на островах селе Никольском (о. Беринга).

Командорские острова, открытые Второй Камчатской экспедицией Витуса Беринга в 1741 г., расположены приблизительно в 160 км к востоку от побережья Камчатки и включают, помимо двух мелких островков (остров Топорков и остров Арий Камень), два крупных острова — Беринга и Медный. В отличие от островов Алеутской гряды, Командорские острова не имели коренного населения, по крайней мере, не найдено надежных доказательств существования древних жителей. С 1826 г. РАК стала завозить на острова промысловых рабочих-алеутов с Алеутских островов и островов Прибылова. К 1890 г. население обоих островов составляло 619 чел.: на острове Беринга — 345, на острове Медном — 274 [Суворов 1912: 104]. С этого времени переселения на острова прекратились и численность населения стала неуклонно уменьшаться, достигнув к 1920 г. 377 чел. (о. Беринга — 206, о. Медный — 171). Сегодня единственное место в Российской Федерации, где алеуты живут компактной группой, — село Никольское (о. Беринга), которое является центром Алеутского муниципального образования.

Алеутские и Командорские острова

До 1980-х годов алеутский язык на Командорских островах никогда не преподавался в школе. В 1931 г. Елизавета Порфирьевна Орлова с помощью «бригады» алеутов (Николай Будаков, Павел Волокитин, Александр Ножиков, Моисей Паньков, Степан Суш-

ков, Александра Шадрова) — студентов Дальневосточного техникума народов Севера (Хабаровск) составила алеутский букварь с названием *Ag'adgix' han'akux'* — «Солнце восходит». Букварь был создан на основе латинского алфавита, предназначался для печати и должен был выйти в 1932 г., однако так же, как и ряд букварей на других языках малочисленных народов СССР, не был издан.

Первая попытка факультативного преподавания алеутского языка (беринговский диалект) в младших классах была предпринята в 1983—1985 гг. Валентиной Сергеевной Сушковой. После 1988 г. было несколько попыток возобновить преподавание. Несмотря на все трудности, в Никольском и сегодня предпринимаются усилия по налаживанию факультативного преподавания языка.

Преобладание смешанных браков, жизнь в поселке, где для большей части населения родной язык — русский, отсутствие в прежние годы преподавания алеутского языка в школе и малочисленность группы командорских алеутов (все перечисленные выше причины в конечном счете можно считать производными от последней) неизбежно должны были привести к утрате алеутами своего языка. Уже по данным переписи 1959 г. (при всей условности этих данных) лишь 22,3 % алеутов называли алеутский родным языком.

Сегодня молодые алеуты не говорят и не понимают по-алеутски, в лучшем случае их словарный запас составляет несколько слов. Алеутский язык знают лишь отдельные представители самого старшего поколения. Еще в 1963 г. Г.А. Меновщиков отмечал отход молодого поколения от родного языка. В то время, по его данным, из старшего поколения владели языком не более 50 человек, причем хорошо — около 30 [Меновщиков 1965: 85]. В настоящее время этот процесс зашел еще дальше: языком владеют трое «беринговцев» и четверо «медновцев».

Ни среди американских, ни среди российских алеутов не сохранился традиционный алеутский фольклор (хотя на острове Атка еще недавно имели хождение адаптированные русские сказки, которые воспринимались как свой, «исконный» фольклор, см. [Kasakam unikangis 1978] (название переводится как «русские сказки»)). Показателем быстрого исчезновения языка можно считать и частичную замену алеутской терминологии родства на русскую. То же самое в значительной степени касается микротопонимики.

За два с лишним века интенсивных контактов с русскими очень многие «исконные» элементы алеутской культуры оказались вытесненными. Воспринятые от русских черты осознаются сейчас самими алеутами как «традиционные алеутские». На Командорах националь-

ным музыкальным инструментом считается балалайка с каким-нибудь «национальным» рисунком — кит, чайка и т.п.; только в самые последние годы под влиянием этнографических источников вновь начинает использоваться бубен. Алеутские песни, начиная еще с XIX в., исполнялись в традиционной русской манере, под гитару, балалайку, гармонь и на мотив русских песен, хотя и на алеутском языке; своими национальными танцами командорские алеуты считают кадрили и баланс. Традиционная одежда, известная из ранних этнографических описаний, в быту давно уже не используется. Алеуты уже много десятилетий на регулярной основе не занимаются традиционным алеутским морским промыслом (охота на морского зверя в открытом море).

Таким образом, между алеутами, какими они предстают в классическом описании И.Е. Вениаминова [Вениаминов 1840], и современными жителями Командорских и Алеутских островов нет практически ничего общего. Однако, говоря о современных алеутах, вряд ли имеет смысл перечислять только утраченное из древней алеутской культуры. Как справедливо отмечают М.А. Членов и И.И. Крупник [Членов, Крупник 1987: 160–163] в работе, посвященной командорским алеутам, их культура с самого начала своего формирования включала три достаточно разных исходных элемента: 1) древнюю культуру жителей Алеутских островов и Аляски в том виде, в каком застали ее русские путешественники и промышленники середины — второй половины XVIII в.; 2) так называемую креольскую культуру Русской Америки, которая отнюдь не была механическим соединением двух культур, местной и европейской, но обладала многими своими особенностями; 3) русскую старожильческую культуру Камчатки и Дальнего Востока.

Взаимодействие этих трех компонентов и создало к концу XIX в. уникальный культурный облик алеутов.

Все, что происходило с алеутами на протяжении последних двух с половиной веков, говорит в пользу того, что люди должны были бы давно отказаться от своего языка. Однако члены сообщества пытаются адаптироваться к сложившейся ситуации. Очевидно, в рамках такого рода адаптационных стратегий можно рассмотреть и языковой сдвиг, который начался очень давно (видимо, еще во времена РАК) и в настоящее время, как кажется, приближается к своему завершению.

Диалекты алеутского языка

На Алеутских островах в настоящее время существуют два диалекта: аткинский (другое принятое в литературе название — западный) и уналашкинский

(восточный). История еще одного диалекта, аттуанского, ранее распространенного на о. Атту, поистине трагична. Все носители этого диалекта, захваченные во время Второй мировой войны в плен японским десантом, были вывезены в Японию, где многие из них умерли под влиянием непривычных климата и пищи, а также болезней, вызванных очень плохими условиями содержания. Аттуанцы, вернувшиеся после окончания войны в США, были поселены не на своем острове, а на Атке, в одном поселке с носителями аткинского диалекта. Некоторые из них предпочли поселиться на Аляске, в основном в Анкоридже. Все это ускорило исчезновение аттуанского диалекта, который по своим структурным характеристикам стоял несколько особняком среди других диалектов.

На территории Российской Федерации представлено две разновидности алеутского языка. Одна из них — беринговский диалект (по названию острова Беринга, на котором с момента переселения до настоящего времени живут его носители) — практически полностью совпадает с диалектом острова Атка (Алеутские о-ва). Единственное отличие беринговского диалекта от аткинского — некоторая естественная консервация языка, причиной которой стал длительный отрыв части говорящих от основной массы носителей. Почти все грамматические формы, помеченные в аткинской грамматике [Bergsland, Dirks 1981; Bergsland 1997] как формы «старого языка», т.е. вышедшие из употребления, существуют в современном беринговском диалекте и не воспринимаются как архаичные. В свою очередь, некоторые инновации в грамматических формах, имеющиеся в аткинском диалекте, отсутствуют в беринговском. Точно так же обстоит дело с лексикой: слова, появившиеся в аткинском диалекте после переселения части алеутов на Командоры, не опознаются современными беринговцами.

Таким образом, с некоторыми оговорками (сводящимися в основном к употреблению архаизмов и русской интерференции) можно утверждать, что современный беринговский диалект — это тот диалект, на котором говорили алеуты острова Атка в середине XIX в. Кстати, факт такого совпадения, сам по себе не кажущийся удивительным, представляет собой загадку в другом отношении: история переселения алеутов с Алеутских островов на Командоры, как она описана на основе архивных источников современными авторами [Ляпунова 1982; Ляпунова 1987], опровергает казавшееся несомненным раньше утверждение о том, что при переселении на остров Беринга попали в основном алеуты с острова Атка, а на остров Медный — с острова Атту.

Это убеждение (базирувавшееся в основном на работах Г.А. Меновщикова) хорошо согласовывалось с лингвистическими фактами. Еще В. И. Иохельсон, руководивший этнографическим отделом экспедиции, финансировавшейся московским миллионером Ф.П. Рябушинским, отмечал (после общения в Петропавловске-Камчатском с жителем Командорских островов), что «на острове Беринга говорят на аткинском наречии, а на острове Медном — на аттовском наречии» [Иохельсон 1911: 109].

В начале 1960-х годов, когда на Командорских островах впервые за всю их историю велась полевая лингвистическая работа, Г.А. Меновщиков (которому не было известно изложенное выше наблюдение В. И. Иохельсона) пришел к выводу, что на острове Беринга не представлено никакого другого алеутского диалекта, кроме беринговского (совпадающего с аткинским). В отношении жителей острова Медный им впервые было сделано наблюдение, что те говорят на особом языке, образовавшемся в результате взаимодействия русского и алеутского [Меновщиков 1964]. То, что в основе последнего лежит аттуанский диалект, было позже показано в работах [Golovko, Vakhtin 1987; 1990].

Язык острова Медный (где до конца 1960-х годов жили его носители) представляет собой уникальное лингвистическое явление. Медновский диалект — результат смешения языков: его фонетика, морфология, синтаксис представляют собой сплав фонетики, морфологии, синтаксиса двух контактировавших неродственных языков — алеутского (базовым для образования медновского послужил диалект острова Атту, ныне не существующий) и русского (основой для образования этой его разновидности послужила диалектная, «старожильческая» форма русского языка). Медновский — не диалект алеутского или русского языка, но самостоятельный язык, в котором легко вычленяются его составные части, алеутская и русская (еще раз подчеркнем, что весь язык не сводится к простому механическому соединению этих двух частей). Пожалуй, единственная черта, отличающая его от «нормальных» языков, — довольно высокая степень вариативности.

И беринговский диалект, и медновский язык, как уже отмечалось, находятся под угрозой полного исчезновения.

Самоназвания алеутов

До прихода европейцев у алеутов существовало отчетливое разделение на восемь групп. У каждой из них было свое самоназвание, большинство из которых известно [Bergsland 1959: II–14; 1994: xv–xvi]: 1) К'агаан

Тайаг'ун'ин — букв. «люди востока» (жили не менее чем в 34 поселениях, в том числе на самом полуострове Аляска); 2) К'игиг'ун (около 40 поселений в восточной части Лисьих островов, а также на островах Креницына и в южной части о. Уналашка); 3) К'авалан'ин (28 поселений в западной части Лисьих островов, в западной части о. Уналашка и на о. Умнак); 4) Акууг'ун (8 поселений на Четырехсопочных островах); 5) Нииг'уг'ис (около 30 поселений на Андреяновских островах, включая о. Канага); 6) Наа'миг'ус (не менее чем 9 селений на о. Танага и на о-вах Деларова); 7) К'ахун (не менее чем 10 селений на Крысьих о-вах); 8) Сасигнан (многочисленные мелкие поселения на Ближних о-вах).

Сегодня алеуты Алеутских и Командорских островов используют в качестве самоназвания единый термин *унан'ах'* — приблизительный перевод «прибрежные (жители)», «живущие у моря». Исходно это слово, вероятно, представляло собой название одной из алеутских территориальных групп. Оно восходит к алеутскому указательному местоимению *уна* «внизу, далеко (о протяженном объекте, расположенном вдоль берега моря, видимом говорящему)»; приведем также производное слово *унан'аа* (притяжательная форма) «пролив между маленьким (низким) островом и островом, бóльшим по размеру (более высоким)» [Bergsland 1959: II].

Термин *унанган* (образован от формы множественного числа в уналашкинском и аттуанском диалектах — *унан'ан*; общеалеутская форма ед.ч. — *унан'ах'*), который в 1930-е годы пытались ввести в советской научной литературе для называния алеутов (см., например: [Иохельсон 1934: 129]), не привился. Медновцы в качестве самоназвания почти всегда используют русское слово «алеуты», снабжая его алеутским (аттуанским по происхождению) показателем мн.ч. *-н*: *алеуута-н* «алеуты» (удвоение *у* передает долготу гласного), хотя изредка может использоваться и слово *унан'а-н* (с тем же показателем мн.ч.). Точно так же беринговцы могут иногда вместо *унан'а-с* употребить *алеуута-с*, только уже со своим показателем мн.ч. *-с* (аткинским по происхождению).

Трудно сказать, когда стало возможным употребление одной и той же группой обоих терминов (алеутского и русского) как синонимичных — после того как все алеуты стали жить в одном поселке на о. Беринга (начиная с конца 1960-х годов) или еще раньше под влиянием русского языка. Впервые термин *унан'ас* упоминается в рукописи Р. Раска, хранящейся в Королевской библиотеке Копенгагена [Bergsland 1959: II].

Как отмечалось выше, беринговские алеуты называют себя *унан'ас*, однако в качестве самоназвания

используется и слово *алеутас* «алеуты». Пожалуй, единственное, что достоверно известно о происхождении последнего этнонима, — это то, что он появился после прихода в регион русских. Авторами наиболее известных гипотез о происхождении слова «алеут» являются И.С. Вдовин и Г.А. Меновщиков. Вдовин возводит этот этноним к чукотско-корякской основе *элев / алев* (варианты *эчев / ачав*) со значением «обвязывать, обматывать что-л.». Слово *алев-выттэ*, якобы принявшее в русском языке форму «алеут», имело значение «те, которые имеют на голове ободы с ветками» [Вдовин 1968]. Г.А. Меновщиков, отвергая это предположение, возводит термин «алеут» к слову *алитхух'*, которое, по его мнению, в ранний период истории алеутов имело значение «родственная община», «команда», «объединенная чем-л. группа людей», а позже получило ряд дополнительных значений: «команда судна», «отряд людей», «военный отряд» [Меновщиков 1980]. Признавая право на существование обеих гипотез, следует признать, что вопрос о происхождении этнонима «алеут» остается открытым и требует дальнейшего изучения.

Генетические связи алеутского языка

Алеутский язык имеет достаточно отдаленное родство с эскимосскими языками. Предположения относительно родства этих языков, которые, начиная с Р. Раска, высказывались различными исследователями, поначалу имели сугубо интуитивный характер. Они превратились в научный факт лишь с появлением работ Г. Марша и М. Сводеша [Marsh, Swadesh 1951] а также К. Бергсланда [Bergsland 1951; 1953].

Невозможно с полной определенностью сказать, когда протоэскалеуты разделились на две общности. Этот вопрос может быть решен лишь на основе сравнительного анализа лингвистических и археологических данных, однако отсутствие письменных памятников и не очень многочисленные (из-за трудных природных условий) археологические изыскания³ делают, с одной стороны, почти невозможным ответ на вопрос о времени разделения, однако, с другой стороны, позволяют высказывать почти любые, порой самые неправдоподобные предположения: разброс мнений — от 10 тысяч до 1 тысячи лет.

По данным К. Бергсланда, около 15 % (300 из 2000) алеутских слов восходит к общим с эскимосскими кор-

ням, из них около 30 — указательные и вопросительные местоимения, 10 — слова с локативной семантикой; из 30 терминов, обозначающих части тела, лишь 6–7 соотносятся с эскимосскими. В целом можно констатировать, что процент соответствий в лексике между алеутским и эскимосскими языками гораздо меньше по сравнению с грамматикой, где конкретные подсистемы обнаруживают гораздо большее сходство и допускают реконструкции. Вряд ли такая неравномерность дает основания для радикального вывода о том, что алеутский и эскимосские языки генетически не связаны и что в прошлом имела место замена (заимствование) грамматических подсистем. Однако сам факт такой неравномерности заставляет искать объяснения.

Достаточно большой разрыв между алеутским и эскимосскими языками, как правило, объясняется гипотетической утратой «связующего звена» — ряда промежуточных, переходных диалектов [Краусс 1981: 154], однако, строго говоря, это, конечно, не является объяснением. Мнение о давнем времени распада протоэскалеутского языка было преобладающим, если не сказать единственным, до относительно недавнего времени, однако довольно неожиданно поставлено под сомнение Бергсландом, самым крупным авторитетом в области изучения эскимосско-алеутских языков. В ряде статей (например, [Bergsland 1986; 1989 a]) он, основываясь на результатах тщательного сопоставительного исследования, приходит к выводу, что разделение на эскимосскую и алеутскую «ветви» произошло отнюдь не так давно, как было принято считать. К. Бергсланд не приводит точной даты разделения, но на основании анализируемых им сходных ситуаций можно предположить, что речь идет о времени около 2–2,5 тысяч лет назад. Разумеется, это предположение требует критического анализа.

Прекрасным основанием для будущих сопоставительных исследований эскимосско-алеутских языков и реконструкций стал сравнительный словарь эскимосских языков с алеутскими соответствиями [Fortescue, Jacobson, Kaplan 1994]. Авторы словаря для реконструируемых ими протоэскалеутских форм постулируют дату 4–3 тысячи лет назад.

Некоторые исследователи пытались установить родство эскимосско-алеутских языков с другими языковыми семьями. Круг кандидатов в «родственников» самый широкий: индоевропейские, американо-индейские, алтайские языки и др., особенно часто называются уральские языки и юкагирский. Следует, однако, признать, что «претензии на родство» пока не выглядят доказанными.

³ Упомянем одну из последних публикаций, содержащих данные об археологических раскопках на Алеутских островах: [To the Aleutians and Beyond... 2002].

История изучения алеутского языка

Алеутский язык стал известен европейской науке во второй половине XVIII в. История его изучения достаточно полно отражена в литературе [Bergsland 1959; Бломквист 1975; Краусс 1981; Головки, Вахтин, Асиновский 2009]. Следует особо упомянуть словарь К. Бергсланда, где во введении дается подробнейшее перечисление всех известных на сегодняшний день опубликованных и рукописных источников, содержащих материалы по алеутскому языку [Bergsland 1994 a: xxxvii–liiv], а сам словарь включает все эти материалы (копии всех известных материалов собраны в архиве Центра изучения языков коренного населения Аляски при Университете штата Аляска в Фэрбанксе).

Первые сведения о языке алеутов были получены в ходе географических экспедиций (экспедиции Д. Кука, Г. Сарычева и И. Биллингса, И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского): начиная с 1758 г. записывались как топонимы алеутского происхождения, отдельные слова, так и довольно много простых предложений; в некоторых случаях составлялись словники довольно большого объема — до нескольких сотен слов (более подробные сведения приведены в работе [Bergsland 1994 a: xvii–xix]. Отдавая должное путешественникам, которые, посещая Алеутские острова, старались собрать языковой материал и таким образом открыть новый для европейской науки, неизвестный до той поры язык, следует заметить, что они сталкивались с языком на короткое время, знакомились с ним через «толмачей», с помощью последних составляли краткие списки слов, причем в записи из-за незнания языка и примитивной техники фиксации неизбежно проникали многочисленные ошибки и искажения.

Первым человеком, заинтересовавшимся алеутским языком и изучавшим его на протяжении долгого времени, был священник И.Е. Вениаминов, начавший свою деятельность во главе Уналашкинского отдела Камчатской епархии Русской православной церкви, а закончивший свою жизнь митрополитом Московским и Коломенским. Он имел возможность наблюдать традиции и язык алеутов в течение десяти лет. Самая крупная работа И.Е. Вениаминова — трехтомная монография об алеутах [Вениаминов 1840] — до сегодняшнего дня является самым полным этнографическим описанием этого народа. Всем, что сегодня известно о доколониальном прошлом алеутской культуры, а также о первом периоде колонизации, мы обязаны Вениаминову. В книге содержится и лингвистический материал: приводятся различные алеутские термины, выражения, названия народов Русской Аме-

рики, самоназвания алеутских «племен», отдельные зоологические, ботанические, календарные термины. В книге есть пять песен на уналашкинском диалекте, одна — на аткинском, кроме того, на аткинском — повесть и сказка.

Грамматика алеутского языка (на материале уналашкинского диалекта), изданная Академией наук в 1846 г. [Вениаминов 1846], упрочила сложившуюся к тому времени репутацию Вениаминова как талантливого исследователя. Работа состоит из собственно грамматического описания, двух алеутских песен с русским переводом, «сочинения одного природного алеута с русским переводом», алеутских числительных, алеутско-русского словаря с ключом к нему. Интерпретация грамматического строя исследуемого языка подчинена классической европейской грамматической традиции, поэтому автору не удалось избежать ошибок в понимании языковой системы (впрочем, их редко удается избежать и профессиональным лингвистам, особенно при первом описании языка), однако Вениаминов сумел отметить и объяснить основные особенности, отличающие алеутский язык от иносистемных языков.

В 1850-х годах И.Е. Вениаминов покинул Америку. Работу над переводами религиозной литературы продолжили его ученики. Один из них, священник Яков Нецветов (из сословия «креолов»)⁴, одинаково хорошо владевший аткинским диалектом и русским языком, помимо переводческой деятельности занимался составлением русско-алеутского словаря [Нецветов 1840]. Сохранившаяся рукопись (хранится в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне) включает около 4600 единиц (считая отдельные лексемы, словообразовательные и словоизменительные формы), расположенных в алфавитном порядке, тематический словарь (около 900 единиц), а также 98 местных названий на островах Атка и Амля. Работа не была завершена, но словарь содержит весьма ценные материалы, которые полностью вошли в сводный алеутский словарь К. Бергсланда [Bergsland 1994].

Для исследователя языка командорских алеутов представляет интерес небольшой словник, составленный в 1892–1893 гг. географом и биологом Николаем Васильевичем Слюниным на острове Беринга с помощью священника Адриана Серикова. В словнике около 230 слов с некоторыми словообразовательными и словоизменительными формами и 17 коротких фраз. Рукопись словника хранится в архиве Географического общества в Санкт-Петербурге.

⁴ Основные биографические данные приводятся в работе [Риесе 1990: 380–383].

Изучение алеутского языка после И.Е. Вениаминова было продолжено в начале XX в. В.И. Иохельсоном. Посвятив исследованию алеутов первые полтора года Камчатской экспедиции Рябушинского (1909—1910), он объехал все важнейшие острова Алеутской гряды, занимаясь в основном сбором этнографического и лингвистического материала, а также археологическими раскопками (более подробные данные приводятся в работе [Krauss 1990], а также в насыщенной фактическим материалом статье [Корсун 2002]).

В своих работах по алеутскому языку Иохельсон уточнил и развил положения грамматики И.Е. Вениаминова. Многие наблюдения были сделаны им впервые. За полтора года пребывания на Алеутских островах В.И. Иохельсон собрал значительный лингвистический материал [Иохельсон 1919]: 127 текстов, алеутско-русский словарь (около 3 тыс. карточек), русско-алеутский словарь (около 3 тыс. карточек). Как и И.Е. Вениаминов, В.И. Иохельсон работал в основном с уналашкинским диалектом, однако за время пятинедельного пребывания на острове Атка он успел записать также шесть текстов на местном диалекте и, кроме того, как отмечалось выше, в Петропавловске-Камчатском от жителя острова Беринга некоторое количество слов. В.И. Иохельсон был единственным человеком, исследовавшим диалект острова Атту (ныне исчезнувший) тогда, когда носители этого диалекта еще жили там: записал 17 фольклорных текстов и получил перевод на аттуанский 13 текстов, записанных вначале по-уналашкински.

В своей полевой лингвистической работе В.И. Иохельсон, благодаря хорошему техническому оснащению экспедиции, применил передовую по тем временам технику, и это имело важнейшие последствия для дальнейшего изучения языка: большое число текстов и песен было записано на восковые валики с помощью фонографа (оригиналы хранятся в Фонограмм-архиве Пушкинского Дома).

Иохельсон опубликовал всего несколько лингвистических работ: краткий грамматический очерк [Иохельсон 1912], критический очерк грамматики И.Е. Вениаминова [Иохельсон 1920], небольшую статью [Jochelson 1927]. Последней по времени и самой обширной публикацией был очерк «Унанганский (алеутский) язык» [Иохельсон 1934]. Архивные материалы Иохельсона оказались раздроблены и долгое время не публиковались. Только в 1990 г. Центр изучения языков коренного населения Аляски при Университете штата Аляска в Фэрбанксе выпустил собрание алеутских текстов, записанных В.И. Иохельсоном

[Jochelson 1990]⁵. Книга содержит как ранее опубликованные тексты (проверены и заново транскрибированы), так и некоторые новые тексты, которые были транскрибированы с восковых валиков для фонографа. Транскрибирование и проверка сделаны К. Бергсландом и носителем аткинского диалекта алеутского языка М. Дирксом.

Как отмечалось выше, В.И. Иохельсон опубликовал общий грамматический очерк алеутского языка [Иохельсон 1934]⁶, но основным источником сведений об алеутской грамматике для широкого круга лингвистов долгое время оставалась грамматика И.Е. Вениаминова. Такая ситуация сохранялась до тех пор, пока в середине XX в. алеутским языком не заинтересовался К. Бергсланд, впоследствии ставший крупнейшим исследователем алеутского языка за всю историю его изучения. Во время нескольких экспедиций к алеутам ему удалось записать большое число текстов на аткинском диалекте, часть которых вместе с некоторыми текстами предшественников (на разных диалектах) вошла в одну из самых значительных публикаций по алеутскому языку [Bergsland 1959]. Анализ экспедиционных и архивных материалов дал К. Бергсланду возможность написать ряд статей, затрагивающих различные стороны грамматического строя и фонетики.

Огромная заслуга К. Бергсланда — составление сводного словаря всех алеутских диалектов [Bergsland 1994], вобравшего, помимо собственных материалов, материалы других исследователей; появлению сводного словаря предшествовал выпуск словаря аткинского диалекта [Bergsland 1980].

В соавторстве с М. Дирксом, одним из авторов настоящей статьи, К. Бергсланд издал «Школьную грамматику аткинского диалекта» [Bergsland, Dirks 1981]⁷, за которой последовала академическая грамматика, охватывающая материал всех диалектов, существовавших или донныне существующих на американской территории [Bergsland 1997].

⁵ В книгу вошли почти все тексты, записанные Иохельсоном; остались неопубликованными буквально несколько, которые не удалось транскрибировать, в частности тексты на аттуанском диалекте. «Расшифровка» оказалась невозможной отчасти из-за низкого качества записи, отчасти из-за специфики исполнения, например один из выходов с о. Атту использует особую ритмическую структуру — произносит текст нараспев, как бы скандирует его (на этот факт наше внимание обратил М. Краусс).

⁶ Написанный по-английски вариант грамматики алеутского языка, в котором представлена попытка охвата всех диалектов, так и не был доведен до завершения и, соответственно, не был опубликован [Jochelson 1930].

⁷ См. также предварительную публикацию [Bergsland, Dirks 1978].

Последней публикацией К. Бергсланда стал свод всех известных сегодня дохристианских имен алеутов [Bergsland 1998 a]. Значение этой работы для лингвистики и культурной антропологии трудно переоценить.

В соавторстве с М. Дирксом написано еще одно практическое пособие по аткинскому диалекту: [Berge, Dirks 2009]. Кроме того, А. Берге является автором статей по отдельным аспектам алеутского языка.

Изучением структуры алеутского языка также занимался японский исследователь М. Ошима [Oshima 1982; 1990].

Разновидности алеутского языка, представленные на территории России, изучал сотрудник Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР (ныне — Институт лингвистических исследований РАН) Г.А. Меновщиков. Его работы основываются на материалах экспедиции 1963 г. на Командорские

острова. Основным результатом трехмесячной экспедиции стало создание очерка для многотомной коллективной монографии «Языки народов СССР» [Меновщиков 1968], а также небольшого алеутско-русского словаря [Меновщиков 1977]. Важнейшим вкладом Г.А. Меновщикова, как отмечалось выше, стало введение в научный оборот материалов медновского языка: в дополнение к упомянутым выше работам [Меновщиков 1964; 1977] можно указать публикации [Меновщиков 1965; 1969].

*Е.В. Головки,
член-корреспондент РАН,
заместитель директора
Института лингвистических исследований РАН;
М.Л. Диркс,
лингвист, специалист по алеутскому языку*

БИБЛИОГРАФИЯ

- Блоквист Е.Э.* История изучения в России языков северо-американских индейцев (из архива МАЭ) // Из культурного наследия народов Америки и Африки. (Сб. МАЭ. Т. XXXI). Л., 1975. С. 94–117.
- Вахтин Н.Б., Головки Е.В., Швайтцер П.* Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания. М.: Новое издательство, 2004. 292 с.
- Вдовин И.С.* К вопросу о происхождении названия «алеут» // Страны и народы Востока. М.: Восточная литература, 1968. Вып. 6. С. 101–105.
- Вениаминов И.Е.* Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб.: б.и., 1840. Ч. I–III. 364 + 413 + 134 с.
- Вениаминов И.Е.* Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка. СПб.: Тип. Академии наук, 1846. 125 с.
- Головки Е.В.* Алеутско-русский и русско-алеутский словарь. Приложение: Грамматический очерк и указатель суффиксов. СПб.: Просвещение, 1994. 320 с.
- Головки Е.В.* Алеутский язык // Языки мира: Палеоазиатские языки / Под ред. А.П. Володиной. М., 1996 а. С. 101–116.
- Головки Е.В.* Язык медновских алеутов // Языки мира: Палеоазиатские языки / Под ред. А.П. Володиной. М., 1996 б. С. 117–125.
- Головки Е.В., Вахтин Н.Б., Асиновский А.С.* Язык командорских алеутов (диалект острова Беринга). СПб.: Наука, 2009. 356 с.
- Гринев А.В.* Туземцы Аляски, русские промышленники и Российско-американская компания: система экономических отношений // Этнографическое обозрение. 2000. № 5. С. 74–88.
- Иохельсон В.И.* Из писем В.И. Иохельсона, начальника Этнологического отдела Камчатской экспедиции Ф.П. Рябушинского, секретарю ИРГО // Известия Императорского Российского географического общества. 1911. Т. XLVII. Вып. I–V. С. 97–111.
- Иохельсон В.И.* Заметки о фонетических и структурных основах алеутского языка // Известия РАН. 1912. Сер. 6. № 17. С. 1031–1046.
- Иохельсон В.И.* Опись фольклорных и лингвистических материалов В.И. Иохельсона, хранящихся в Азиатском музее Российской академии наук. I: Материалы по языку и фольклору алеутов // Известия РАН за 1918 г. Пг., 1919. Т. 12. № 17. С. 1979–2003.
- Иохельсон В.И.* Алеутский язык в освещении грамматики Вениаминова // Известия РАН за 1919 г. Пг., 1920. Сер. 6. Т. 13. №2. С. 133–154. №4–7. С. 287–315.
- Иохельсон В.И.* Унанганский (алеутский) язык // Языки и письменность народов Севера / Под общ. ред. Я.П. Алькора. Ч. 3: Языки и письменность палеоазиатских народов / Под ред. Е.А. Крейновича. М.; Л., 1934. С. 129–148.
- Корсун С.А.* Заметки об экспедиции В.И. Иохельсона на Алеутские острова (1909–1910 гг.) // История и семиотика индейских культур Америки / Под ред. А.А. Бородатовой, В.А. Тишкова. М., 2002. С. 515–523.
- Краусс М.* Языки коренного населения Америки: прошлое, настоящее, будущее // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки: Труды советско-американской группы. М.: Наука, 1981. С. 149–181.
- Люрман С.* От алеутов и креолов к черным и белым: Южная Аляска между двумя империями // Ab Imperio. 2001. № 3. С. 169–190.
- Ляпунова Р.Г.* Алеуты. Очерки этнической истории. Л.: Наука, 1987. 229 с.
- Меновщиков Г.А.* К вопросу о проницаемости грамматического строя языка // Вопросы языкознания. 1964. № 5. С. 100–106.

- Меновщиков Г.А.* Новые данные о языке алеутов Командорских островов // Известия Сибирского отд. АН СССР. Сер. общественных наук. 1965. Вып. 1. № 1. С. 84–92.
- Меновщиков Г.А.* Алеутский язык: Грамматический очерк // Языки народов СССР: В 5 т. / Гл. ред. В.В. Виноградов. Т. 5 / Отв. ред. П.Я. Скорик. Л., 1968. С. 386–406.
- Меновщиков Г.А.* О некоторых социальных аспектах эволюции языка // Вопросы социальной лингвистики / Под ред. А.В. Десницкой, В.М. Жирмунского. Л., 1969. С. 110–133.
- Меновщиков Г.А.* Алеутско-русский словарь // Языки и топонимия / Отв. ред. Э.Г. Беккер. Томск, 1977. Вып. 4. С. 137–198.
- Меновщиков Г.А.* О происхождении этнонима «алеут» // Советская этнография. 1980. № 1. С. 109–116.
- Нецветов Я.* Русско-алеутский словарь. Составлен на основе аткинского диалекта. 1840 (дата приблизительная). Рукопись. 225 с.
- Суворов Е.К.* Командорские острова и пушной промысел на них. СПб.: б.и., 1912. 324 с.
- Членов М.А., Крупник И.И.* Командорские алеуты: особенности формирования и преемственность этнической культуры // Рациональное природопользование на Командорских островах (состояние и охрана экосистем, проблемы экономического и этнокультурного развития) / Под ред. В.Е. Соколова. М.: МГУ, 1987. С. 157–165.
- Berge A., Dirks M.* Niiġuġis Mataliin TunuXtazangis: How the Atkans Talk (A conversational grammar). Fairbanks: University of Alaska, 2009. 240 p.
- Bergsland K.* Aleut demonstratives and the Eskimo-Aleut relationship // International Journal of American Linguistics. 1951. № 17. P. 167–179.
- Bergsland K.* Aleutisk-Eskimoisk (trykt som manuskript). København: Nordisk Sprog- og Kulturforlag: 1953. 7 p.
- Bergsland K.* Aleut dialects of Atka and Attu // Transactions of the American Philosophical Society. 1959. New Series. Vol. 49. Part 3. P. 3–128.
- Bergsland K.* Atkan Aleut — English Dictionary. Anchorage: National Bilingual Materials Development Center, 1980. 161 p.
- Bergsland K.* Comparative Eskimo–Aleut Phonology and Lexicon // Journal de Société Finno-Ougrienne / Suomalais-Ugrilainen Seuran Aikakauskirja. 1986. Vol. 80. P. 63–137.
- Bergsland K.* Comparative aspects of Aleut Syntax // Journal de Société Finno-Ougrienne / Suomalais-Ugrilainen Seuran Aikakauskirja. 1989. Vol. 82. P. 7–80.
- Bergsland K.* Present and past, Eskimo–Aleut // Keynote Speeches from the Sixth Inuit Studies Conference, Copenhagen, October 1988 (Institute of Eskimology 14) / Ed. by J. Dahl. Københavns Universitet, 1989 a. P. 108–115.
- Bergsland K.* Aleut Dictionary / Unangam Tunudġusii. Fairbanks: Alaska Native Language Center, 1994. 739 p.
- Bergsland K.* Aleut Grammar / Unangam Tunuganaan AchixaasiX. Fairbanks: Alaska Native Language Center, 1997. 360 p.
- Bergsland K.* Two cases of language endangerment: Aleut and Saami // Ichel Linguistic Studies. Vol. 1: Studies in Endangered Languages / Papers from the International Symposium on Endangered languages, Tokyo, November 18–20, 1995 / Ed. by K. Matsumura. Tokyo: Hituzi Syobo, 1998. P. 33–48.
- Bergsland K.* Ancient Aleut Personal Names: Materials from the Billings Expedition 1790–1792. Fairbanks: Alaska Native Language Center, University of Alaska Fairbanks, 1998 a. 202 p.
- Bergsland K., Dirks M.* Introduction to Atkan Grammar and Lexicon / Niiġuġim Tunugan Ilakuchangis. Anchorage: National Bilingual Materials Development Center, Rural Education, University of Alaska, 1978. 237 p.
- Bergsland K., Dirks M.* Atkan Aleut School Grammar. Anchorage: National Bilingual Materials Development Center, Rural Education, University of Alaska, 1981.
- Black L.T.* Introduction // The Journals of Iakov Netsevetov: The Atkha Years, 1828–1844 / Translated, with an Introduction and Supplementary Material by L.T. Black. Kingston, Ontario: The Limestone Press, 1980. P. XV–XXXIII.
- Black L.T.* Creoles in Russian America // Pacifica: A Journal of Pacific and Russian Studies. 1990. Vol. 2. № 2 (Russian America: The Forgotten Frontier). P. 142–155.
- Black L.T.* Russian Orthodoxy in Alaska // Northern Religions and Shamanism (Ethnologica Uralica 3) / Ed. By M. Hoppál and J. Pentikäinen. Budapest: Akadémiai Kiadó; Helsinki: Finnish Literary Society, 1992. P. 100–107.
- Black L.T.* Russians in Alaska, 1732–1867. Fairbanks: University of Alaska Press, 2004. 328 p.
- Fortescue M., Jacobson M., Kaplan L.* Comparative Eskimo Dictionary with Aleut Cognates / Alaska Native Language Research Paper № 9. Fairbanks: University of Alaska Fairbanks, 1994. 626 p.; 2nd ed. 2010. 696 p.
- Golovko E.V., Vakhtin N. B.* The Convergence of Contacting Phonological Systems: The Aleut Dialect of Copper Island // Proceedings of the XIth International Congress of Phonetic Sciences. Tallinn, 1987. Vol. 4. P. 172–174.
- Golovko E.V., Vakhtin N.B.* Aleut in contact: the CIA enigma // Acta Linguistica Hafniensia. 1990. Vol. 22. P. 97–125.
- Jochelson W.* The instrumental and the comitative in the Aleut Language // Language. 1927. № 3. P. 9–11.
- Jochelson W.* Essays on the Grammar of the Aleut Language. 1930. Ms. 277 p.
- Jochelson W.* Unangam Uniikangin kayux Tunusangin; Unangam Uniikangis Ama Tunuzangis — Aleut Tales and Narratives / Collected by Waldemar Jochelson / Ed. by K. Bergsland and M. L. Dirks. Fairbanks: University of Alaska, Alaska Native Language Center, 1990. 715 p.
- Kasakam uniikangis. Russian Stories Told in Atka Village. From stories told by John Netzvetoff of Atka, Alaska, and written by K. Bergsland and M. Dirks. Anchorage: University of Alaska National Bilingual Materials Center, 1978. 36 p.
- Ljapunova R.G.* Ethnohistoire des Aléoutes des Iles du Commandeur // Inter-Nord: Revue International des Études Arctiques et Nordiques (Paris). 1982. № 16. P. 189–203.

- Luehrmann S.* Alutiiq Villages under Russian and U.S. Rule. Fairbanks: University of Alaska Fairbanks, 2008. 204 p.
- Marsh G.H., Swadesh M.* Eskimo-Aleut correspondences // International Journal of American Linguistics. 1951. Vol. 17. № 4. P. 209–216.
- Oshima M.* On causative and transitive constructions in Aleut, Eskimo, and Ainu // Review of Liberal Arts [Japan]. 1982. Vol. 64. P. 201–216.
- Oshima M.* Prosody and syncopation in Eastern Aleut communications // Du Septième Congrès des Études Inuit (Papers from the Seventh Inuit Studies Conference). 19–23 August, 1990. Fairbanks, Alaska / Regard sur l'avenir (Looking to the Future) / Inuit studies occasional papers 4. Association Inuksiutiit Katimajit inc., 1990. P. 303–311.
- Pierce R.A.* Russian America: A Biographical Dictionary. Kingston, Ontario; Fairbanks, Alaska: Limestone Press, 1990.
- Pullar G.L.* Assimilation and Identity among the Kodiak Island Sugpiaq. Paper presented at the 17th Inuit Studies Conference. Quebec, Canada. October 28–30, 2010. 12 p.
- To the Aleutians and Beyond: The Anthropology of William S. Laughlin / Ed. by B. Frohlich, A.B. Harper, R. Gilberg. Copenhagen: The National Museum of Denmark, Department of Ethnography (Publications of the National Museum, Ethnographical Series, Vol. 20), 2002.
- Vinkovetsky I.* Circumnavigation, empire, modernity, race: The impact of round-the-world voyages on Russian imperial consciousness // Ab Imperio. 2001. № 1–2. P. 191–210. 258 p.